

средств, психотропных веществ, их аналогов, изменено уголовное и административное законодательство, связанное с криминализацией отдельных действий с наркотиками, повышены меры ответственности за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Введен запрет на распространение в СМИ, а также на интернет-ресурсах сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических и других одурманивающих веществ, сведений о способах и методах разработки, изготовления, использования и местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

На наш взгляд, дальнейшая реализация государственной политики требует системного и более масштабного подхода к вопросу совершенствования законодательства в части противодействия наркоугрозе. Полагаем, что в условиях глобализации наркопреступности необходимо формировать новую философию «антинаркотической» безопасности государства.

Несмотря на предпринимаемые усилия со стороны государства, до настоящего времени не решенным остается ряд важнейших задач по разработке нормативно-правовой базы, направленной на значительное снижение спроса на наркотики, не разработана подходящая система противодействия наркомании и наркопреступности, сочетающая в себе сбалансированный комплекс медицинских, профилактических, реабилитационных, контрольных и правоохранительных мер. Существующая проблема требует проведения комплексных научных исследований, реализации более эффективной государственной политики в сфере противодействия наркомании.

Вышеизложенные проблемы свидетельствуют о необходимости научного переосмысления государственной политики в области противодействия незаконному обороту наркотиков с учетом современных социальных, политических, информационных, экономических условий развития общества, создания правовых основ ее совершенствования, формирования конкретных уголовно-правовых и криминологических мер ее реализации.

УДК 351.74

А.В. Вениосов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКВД БССР ПО РУКОВОДСТВУ МИЛИЦИЕЙ В 1920–1930-х гг.

Партия большевиков, захватив власть 25 октября 1917 г., вынуждена была создавать органы революционной власти. На 11-м съезде Советов, который закрепил победу Октябрьской социалистической революции, были созданы 13 первых советских наркоматов. Одним из них стал Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). На этот наркомат возлагались очень широкие полномочия по руководству деятельностью местных Советов. Однако уже 28 октября 1917 г. НКВД РСФСР принял постановление «О рабочей милиции», в котором указывалось, что милицией руководят местные Советы, находившиеся в ведении НКВД. С этого момента НКВД РСФСР, а позднее и БССР включают в свои полномочия все вопросы по организации и деятельности милиции.

На протяжении нескольких лет в РСФСР принимались нормативные акты, которыми создавались различные милицмейские подразделения и регламентировались вопросы их организации и деятельности. Так, 12 октября 1918 г. НКВД РСФСР совместно с Наркоматом юстиции РСФСР приняли Временную инструкцию о рабоче-крестьянской милиции. СНК РСФСР 10 июня 1920 г. принял Положение о рабоче-крестьянской милиции. Первая статья этого положения четко указывала, что милиция находилась в ведении НКВД. Все эти нормативные акты действовали и на территории Беларуси.

24 мая 1922 г. принято положение о НКВД РСФСР, которое также действовало на территории БССР. На НКВД возлагались очень широкие полномочия. В его составе предусматривались шесть управлений, одно из которых называлось главным управлением милиции. Анализируя направления деятельности этого управления, можно отметить, что он вобрал весь опыт по руководству деятельностью милицией на протяжении почти пяти лет.

В связи с образованием 30 декабря 1922 г. СССР встал вопрос о правомерности действия на территории Беларуси российских нормативных актов. Декрет Президиума ЦИК БССР от 24 января 1922 г. определил, какие российские нормативные акты подлежали исполнению на территории БССР. Окончательная точка в этом вопросе была поставлена с принятием постановления Президиума ЦИК БССР от 17 августа 1923 г., которое отменило вышеуказанный декрет. С этого момента на территории Беларуси стало действовать только союзное законодательство. Принятие этих нормативных актов ускорило процесс создания собственного национального законодательства по организации и деятельности милиции. Уже в январе 1924 г. принято первое национальное положение о НКВД БССР. Закономерно, что оно было построено по образцу положения об НКВД РСФСР 1922 г. НКВД БССР также являлся органом государственной власти с очень широкими полномочиями. В его составе предусматривались те же шесть управлений, посредством которых НКВД БССР осуществлял возложенные на него функции. Руководство милицией осуществляло управление милиции и уголовного розыска, на которое возлагалось «проведение в жизнь мероприятий вытекающих из функций, возложенных на НКВД, поддержание порядка и спокойствия в стране». Управление милиции и уголовного розыска включало в себя три отдела: милиции, уголовного розыска и материальный. Принятие национального положения о НКВД повлекло за собой изменение нормативной базы по организации и деятельности милиции.

Так, уже в 1926 г. ЦИК и СНК БССР приняли первое национальное Положение о службе рабоче-крестьянской милиции. Первая статья этого документа подчеркивала, что центральным органом по руководству милицией являлось управление милиции НКВД БССР. Как видим, НКВД прочно закрепил за собой руководящие функции по отношению к милиции.

Принимая во внимание широкие и разнообразные функции, возлагавшиеся на НКВД, можно предположить, что вопросами организации милиции и уголовного розыска он мог руководить только формально. Вся работа по руководству милицией ложилась на начальника управления милиции и уголовного розыска, который был подотчетен НКВД БССР.

ЦИК и СНК БССР 22 декабря 1927 г. провели реорганизацию некоторых наркоматов, в том числе НКВД. За центральным аппаратом теперь закреплялись только функции «планирования, регулирования, общего управления и контроля». Все остальные вопросы передавались отделам и управлениям, которые организовывались при реорганизуемых наркоматах. Именно после этой реорганизации НКВД БССР перестал руководить деятельностью местных Советов, местной промышленностью и еще массой других направлений. Упростилась и структура НКВД. Теперь в его составе было только одно административное управление, которое руководило милицией, уголовным розыском, ЗАГС и административными делами. Остальными направлениями работы заведовали специальные инспекторы: по административному делению, коммунальному, пожарному делу, по местам заключения, дорожному, земельно-жилищному. Вводилась также должность республиканского инженера и секретариат.

Таким образом, можно констатировать, что в 1927 г. сделана попытка сконцентрировать управленческие усилия НКВД БССР на руководстве милицией. В связи с тем, что по Конституции СССР 1924 г. НКВД БССР являлся республиканским наркоматом, все вопросы по руководству милицией БССР лежали именно на нем. Эта тенденция продолжалась до принятия 15 декабря 1930 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О ликвидации НКВД союзных и автономных республик». После принятия данного постановления милиция перешла сначала в ведение СНК союзных республик, потом ГПУ и, наконец, 10 июля 1934 г. создан НКВД СССР, в структуре которого появилось главное управление рабоче-крестьянской милиции.

УДК 340.1

В.А. Волков

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ФОРМА ПРАВА

Все принимаемые судами в совокупности решения и выносимые в результате принятых решений судебные постановления принято именовать судебной практикой. До сих пор остаются неразрешенными вопросы отнесения судебной практики к формам (источникам) права, а также отнесения судебных постановлений к актам, носящим прецедентный характер.

Данным вопросам посвящен ряд научных работ как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации. Предметом исследования выступают, как правило, как судебная практика и судебный прецедент в отдельности, так и в совокупности в сравнении и противопоставлении друг другу.

Еще в начале XX в. Г.Ф. Шершеневич в разделе «Судебная практика» труда «Общая теория права» отмечал следующее: «К формам права относят и судебную практику, но далеко не с тем единодушием, как закон и обычай». В продолжение своей мысли ученый указывал, что судебное решение, которое состоялось по какому-либо частному делу, может рассматриваться двояко: с одной стороны, оно разрешает конкретный случай, а с другой – может стать правилом разрешения подобных случаев и в будущем.

В свое время мнение Г.Ф. Шершеневича было актуально, но в современных условиях данное утверждение имеет спорный характер ввиду того, что суды общей юрисдикции при осуществлении правосудия по гражданским, уголовным делам, делам об административных правонарушениях, экономическим делам и принятии соответствующих решений руководствуются конкретными правовыми нормами, содержащимися в нормативных правовых актах и в рамках судебского усмотрения. Хотя нельзя отрицать, что при принятии решения судьи могут учитывать и учитывают ранее принятые решения по аналогичным делам, поскольку, несмотря на то что даже при сходных ситуациях решение не будет и не должно быть полностью идентичным, в то же время оно не может быть диаметрально противоположным. В противном случае это способно вызвать негативную реакцию со стороны общества.

При этом решения не будут дублироваться в силу того, что каждое рассматриваемое в суде дело индивидуально, обладает своими особенностями. Судья при вынесении решения должен учесть ряд обстоятельств. Если, например, в суде рассматривается уголовное дело, то оценке подлежат не только обстоятельства совершения преступления, но и личность преступника (его образ жизни, семейное положение, наличие на попечении малолетних детей и т. п.). Разрешая конкретные споры в сфере общественных отношений, суд применяет правовые нормы, интерпретируя их к конкретной ситуации, что подтверждает невозможность принятия одинаковых решений.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что у англичан есть два понятия, касающиеся судебного решения, – *declaratory precedent* и *original precedent*. Первое заключается в разъяснении смысла уже данной нормы, а второе – в создании новой нормы при молчании закона или обычая. Однако в обоих случаях решение может выступать в качестве прецедента. «Второй случай, – писал ученый, – не возбуждает сомнения, что речь идет о новой норме, но и в первом случае суд дает направление пониманию смысла закона, которое само по себе является нормой».

Интересна точка зрения о судебном прецеденте, высказанная Е.Н. Трубецким: «Элементарное условие всякого правосудия состоит в том, чтобы суд решал все однородные случаи на основании одних и тех же правил. Поэтому-то решение отдельного казуса устанавливает прецедент, т. е. общую правовую норму для всех аналогичных случаев. Таким образом, суд не только применяет закон, но и задает новые нормы права в дополнение к нему».

Необходимо отметить, что в настоящее время не существует единого подхода к вопросу отнесения судебной практики к формам (источникам) права. Прецедент в Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, официально источником права не является. Хотя дискуссии на данную тему ведутся начиная с 1990-х гг. Наряду с мнением о том, что наличие судебного прецедента – это факт, который следует просто признать, существует и противоположная точка зрения.

Н.М. Коркунов по этому поводу писал, что «в судебной практике юридические нормы выражаются не в общей форме, а лишь в применении к отдельным частным случаям». Эта мысль содержится в разделе о судебной практике как источнике